

Литературная студия «Джерело» г. Авдеевка

Тайнопись

дождя

стихи и рассказы

Издательский дом «Норд-Пресс»
Донецк 2011

Тайнопись дождя: литературный сборник.
Студия «Джерело», г. Авдеевка Донецкой
обл. – Донецк: Издательский дом «Норд-
Пресс», 2011. – 138 с.

© Авторы произведений, 2011

Юлия Андриенко

ПОДЗЕМНЫЙ ПЕРЕХОД

Мокрых ступеней озябшее царство
В пятнах плевков и раскисших окурках,
Эха дрожащего где-то лукавство
От Паганини до рэпа и "Мурки".

Сумок, локтей, лиц сплошного потока
То опускаясь, то вынырнув к свету,
И под ногами у всех одиноко
Мальчик с зажатой в руке сигаретой.

Рядом жестянка с монетою мелкой,
Острые плечи сутулит фуфайка.
Что подадут, то отцу опохмелкой,
Сломанный нос - за попытку утайки.

Стены приютов, побеги и снова
Чёрной змеёю кишка переходов,
Цель - ускользнуть от ментовского лова,
Прячься в безликую массу народа.

Где- то напишут программу защиты,
Цифры, жонглируя, вставят в отчёты,
Годом семьи нарекут и открыто
Вымоют руки стремленьем в Европу.

Лент киноплёнки, томов пыльный ворох
Выжмут слезу сострадания в народе,
Но не узнает насколько всем дорог
Мальчик с лицом старика, в переходе.

ЧУДАНУТОСТЬ

Холщовый мешок с аккуратною латкой,
Набор оловянных солдатиков в нём,
Медовые пряники да шоколадки
И лент разноцветье сияет огнём.

Спешу к ребятне, ждут, поди-ка, давненько,
Центральная площадь, там крики и смех,
От взрывов бесовских пал на четвереньки,
Нырнув бородою в заплёванный снег.

Вот курят мальцы у пластмассовой ели,
Я к ним : «Отгадайте, кто к вам со всех ног
Спешил сквозь бураны, заносы, метели?»
Мне было ответом : «Конечно же, лох!»

Я им предлагал чудеса и подарки
И тут же в ответ получил тумака,
Когда разглядели, рассыпав на лавку,
Они содержимое чудо-мешка.

А трое в тулупах, подняв под микитки,
Сивухой дыша из-под ватных бород,
Мне дали понять, что Морозов в избытке
И чтоб не топтал я чужой огород.

А утром над городом смог и похмелье,
Застиранной ветошью выстынь небес,
Висит мишура эпилогом веселья,
Где с детства без сказок живут и чудес.

ПЕСНЬ О ХУАНЕ

Мальчик Хуан плыл в гондоле резной
Чёрной рекой, по запруде глубокой,
И нарушая москитов покой,
Он о Кончите страдал черноокой:

"Смуглые плечи и пух над губой,
Конча-Кончита, верни мне покой!"

То ли не ту взял он ноту соль-ля,
Но вдруг разверзлась коварная бездна,
Пасть крокодила, питания для,
Ланч свой свершив, снова в заводь исчезла.

Волны сомбреро в село принесут,
Где на поминках лепёшки маиса
Чили полив, кашаса отхлебнут,
Самбу станцуют и пыль заклубится.

Слёзы Кончита подолом утрёт...
Этой истории вывод банальный -
Петь не дано - контролируй свой рот,
Жалко Хуана - хлопец був гарный!

ДИВАН ХОЛОСТЯКА

Чуть кособок, и продавлена спинка,
Под сломанной ножкой - кривая резинка,
С дешёвой обивкой, пропаленной кем-то,
Диван холостяцкий, стоящий у стенки.

Хозяин его вовсе не был аскетом -
Тани, Марины, Глафиры и Светы,
Брюнетки, блондинки - самые разные,
Горячие стоны да простыни влажные.

Попки и пятки, дрожащие ноги,
Ночью-неистовы, днём - недотроги,
Девичьи груди и аркою спины -
В памяти каждой усталой пружины.

Сколько экстазов, признаний и тайн
С пылью впитал холостяцкий диван!..
Но вот переставлен, почищен и смазан,
На днях перетяжчикам-профи показан.

Дыры в обивке накрыл новый плед,
Диван же скрипит и вздыхает как дед,
А просто бедняге не рассказали,
Что друга-хозяина окольцевали...

Футбол, храп здоровый и пятна от пива-
Дивана печальная ждёт перспектива!

ВОВА

Будний день, туман и остановка.
Он, как в сотни раз, опять на службу,
Опостылевшую, как в борще морковка.
Мысль пунктиром - обойти бы лужу,

Не простыть, дожить бы до зарплаты...
Но внезапно прервалось дыхание,
Точно с неба грянули в набаты,
Словно покачнулось мирозданье.

Узкий стан, стремительность походки,
Грация кошачья движений,
Осознания совершенства нотки,
Красоты чистейший в мире гений.

Он таких не видел, Афродита -
Утопилась бы и та в солёной пене,
А созданье глянуло сердито,
Отряхнув небрежно на колени

Ему брызги с зонтика, и спешно
Отвернулось в сторону, мечтая.
О, мгновенье, чтоб ты длилось вечно!
Жизнь к её ногам! Звезду из рая!

Сердце заскулило и упало.
Выдохнув, шагнул к своей Мадонне:
" Кто Вы?..Слов земных, пожалуй, мало...
Да и те, увидев Вас, не помню!..

Мне бы только повидать Вас снова...
Ваше имя, ангел мой и думы?.."
И ответил голос хриплый: " Вова",
Томно плюнув жвачку мимо урны.

КАК ВАРИАНТ

Послать бы всё куда подальше,
С брикетов жидкий суп варить,
Смыть позолоту липкой фальши
И не забыть цветы полить.

Сутулиться от умных мыслей,
Над сериалами рыдать,
А груз стихов совсем нелишне
На плотный ужин обменять.

Знать что по чём и где дешевле,
Сто банок огурцов закрыть,
А если спать - в своей постели,
И лёгкий вермут - если пить.

Дни кончить в сумасшедшем доме,
Забавный, впрочем, вариант.
Где психам на белье казённом
Мои стихи прочтёт медбрат.

ТАБУРЕТ

В запахе кислого пота, горелых котлет
Мальчик в наглаженных шортах и белой рубашке,
Перед гостями вскарабкавшись на табурет,
Робко читает свой стих по измятой бумажке.

И торжествующе мама глядит на гостей,
Папа, проснувшись, поднимет лицо из салата,
Завистью вспыхнут глаза приглашённых детей,
В блюде со студнем окажется локоть у свата.

Годы пройдут, и юнец в пубертатных акне
Сверстниц своих соблазнять будет
с помощью лиры,
Юность не вечна — и дядя в линиях кашне
Пишет уже о напрасности бренного мира.

Сколько вокруг их, жующих в потугах перо,
Злобно сношающих в сумерках клавиатуру,
Тоннами переводящих лесное добро
На бесполезную, жалкую макулатуру.

ПыСы

Мог бы он слесарем быть или бульдозеристом,
Фермером, сварщиком, токарем стать бы он мог,
Если бы в детстве его безмятежно-лучистом
Выбитым вовремя был табурет из-под ног.

МОИ СОБОЛЕЗНОВАНИЯ

Запах астр, бантов шуршанье,
В бликах солнца кабинет,
Умноженье, вычитанье,
Менделеева портрет.

По доске скрип-шорох мела,
Теорема на руке,
Дездемона и Отелло,
Пенка рябью в молоке.

Выцарапыванье "двойки",
Директрисы мощный бюст,
Строим марши, курсы кройки,
Пригоревшей булки хруст.

Годы школы вне забвенья,
И признаюсь, не тая,
Как вздыхаю с облегченьем,
Что иду туда не я.

ЖИТИЕ МОЕ

Утро, подъём и в режиме цейтнота -
Завтрак - домашним, ранец - для сына ,
В школу - ребёнка, главе на работу
Галстук вяжу я с проворностью джина.
Памперс тяжёлый сменить у малышки,
Корм - хомяку, на прогулку - собаку,
В библиотеку сдать детские книжки,
Банк, магазины - куда там сайгаку!
Курицу - в суп, в сковородку - котлеты,
Всё полила, постирала, зашила,
Школьных уроков - черёд в эстафете.
Я - современный ,ускоренный Шива...
Утро опять.Хомяка - в сковородку,
Мужу - зерна, прогулять - новый галстук,
Куриц - собрать к нулевому уроку,
В ранец - собаку и памперс - на завтрак.

ГОЛОДНАЯ ЛЮБОВЬ

Флюидов взрыв, безумнейший роман,
Вы третий час мне изливали душу,
Крича с надломом: "Плотское - обман!"
А я, ну, как назло, хотела кушать.

Вы предлагали мне огромный мир,
Луну и звёзды, угрожая небо
Оставить в ветхом рубище из дыр.
А я мечтала о кусочке хлеба.

Рассветов трепет, серебро ночей,
И семь кило нетленок бесподобных-
Вот перечень подаренных вещей,
Увы, столь безнадёжно несъедобных.

И тут апофеозом, как венец,
Смахнув слезу, вы предложили сердце,
Согласно я кивнула : "Наконец!
И, если можно, в кляре с чёрным перцем."

АНЕМИЯ ВАМПИРА

Под крыльев шум и уханье совы,
На шабаш всех чертей и привидений,
Где бледно-гепатичный свет луны,
Лечу я, не отбрасывая тени.

Все "Колгэйтот" начищены клыки,
И не забыта запасная челюсть,
Краснеют вожделением белки,
Когда на жертву я во мраке целюсь.

Но, что за чёрт! В той крови со стакан,
Анорексичка- жертва похудений,
А в этом вместо крови - чистоган,
Поклонник он питейных заведений.

В иных течёт сплошной холестерин,
Заложники макдональдсов, фаст фудов,
Их кровь напоминает маргарин
И жди изжоги от такого блюда.

Тот дни и ночи в монитор глядит,
В нём микс из сигарет и кофеина,
А в дамах одиноких желчь кипит
И нет (о, горе мне!) гемоглобина.

Багрянец обнажает горизонт,
А я едва бреду от малокровья...
Приобрету на хуторе дисконт
И перейду на молоко коровье!

САДО-МАЗО КАК ЕСТЬ

Отвергнув бутафории дешёвой
Смешной и ненадёжный арсенал,
Моток верёвки метра в три пеньковой
Предпочитает профессионал.

Одним приёмом кинув на лопатки,
Стреножу вас безжалостным узлом,
И кляп в портвейне горьковато-сладком
Займётся вдохновенно вашим ртом.

А за спиной с неумолимым треском
Соединит запястья ваши сталь
Наручников, и аргументом веским -
Ключ в форточку...О, мне безумно жаль

Попыток предсказуемо- напрасных
В пустой надежде волю обрести
И ваших глаз от напряженья красных...
Мы заболтались, между тем уйти

Увы, пора мне, дым от сигареты
Взамен прощанья вам в лицо струей.
Сама не верю в то, что до рассвета
Компьютер безраздельно только МОЙ!

Фёдор Петрук

СТАРОЕ ТАНГО

Танго, танго печали
Мы исполняли с тобой вдвоём.
Руки, дай свои руки
И мы с тобою ещё споём.

Припев:

Мне хорошо с тобой,
Тихо шумит прибой.
Звёзды над нами
Так ярко горят.
Не уходи, постой.
Будь ты моей звездой.
Наши глаза
Пусть без слов говорят.

Танго, танго разлуки,
Старое танго не позабыть.
Руки, дай свои руки.
Будем друг друга
Всегда любить.

Припев.

А рассвет такой сегодня серый,
А рассвет такой сегодня ржавый.
Дождь осенний льёт без всякой меры.
Вот и осень. Увядают травы.

Вот и осень. С журавлиным клином
Улетают отголоски лета.
А потом зимою снежной, длинной
Будем вспоминать мы все про это.

Будем вспоминать о тёплом море,
О цветах и запахах сирени.
Так прекрасно лето, кто же спорит.
Прелесть есть и в вечерах осенних.

Лист багряный на ветру кружится
И шуршит тихонько под ногами.
Вот и осень, улетают птицы,
Машут крыльями, прощаясь с нами.

ДЫХАНИЕ ВЕСНЫ

Я ощутил дыхание весны,
И мне совсем другие снятся сны.
Мне снится, что я вновь помолодел,
И столько нерешённых срочных дел.

Мне не хватает ночи, да и дня.
Прошу тебя, не покидай меня.
Побудь со мной, ведь я тобой дышу,
Хоть иногда бывает и грешу.

Пусть иногда я груб, меня прости.
И, если нет меня, ты не грусти.
Я мысленно с тобой, с тобой одной
И в стужу, и в палящий летний зной.

Моя ты радость, счастье ты моё,
Как у меня сейчас душа поёт.
И пусть порой мне вовсе не до сна,
В моей душе вновь царствует весна.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

Прикормил я рыбку, рыбку золотую,
И она мне стала приносить подарки.
Приручил я девку, девку молодую,
И теперь вот млею от объятий жарких.

Рыбка золотая принесла мне счастье,
Но с тех пор мне долго не сидится дома.
Дева молодая вся пылает страстью,
Душу наполняет сладкою истомой.

Но исчезла рыбка, уплыла куда-то,
И мечусь я снова в поисках, сомненьях.
Разлюбила дева - горькая утрата.
Золотой цепочки разорвались звенья.

Любите друг друга, любите,
Профессионалы, любители.
И жизнь свою не губите.
А в тихой лесной обители,
На берегу быстрой речки,
Возле костра вечернего
Вновь зажигаются свечи.
И мы, идя через тернии,
К звёздам стремимся, к звёздам.
И рассыпаясь на искры,
Вновь превращаемся в грёзы,
Чтобы течением быстрым
Нас уносило в море
То, что зовётся бессмертьем.
И позабыв о горе,
И позабыв о смерти,
Жизнь восхваляем в песнях,
Ей посвящаем поэмы.
Жить - это так интересно.
Жизнь – это вечная тема.
Тема любви и печали,
Радости и сострадания.
Снова заветные дали
Манят, и ожидание
Счастья не за горами.
Пусть оно будет с нами.

Люблю Россию пылкой любовью.
Люблю, как русский, преданно и верно.
За эту землю, политую кровью,
Я б всё отдал, люблю её безмерно.

Люблю Россию, но и Украину
Считаю я давно своей землёю.
И, разделив себя наполовину,
Своей любви ни от кого не скрою.

И меловые горы Святогорья,
Днепра разлив, донецкие просторы.
Люблю Азовское и Чёрное я море,
Волынь люблю, где Шацкие озёра.

Но помню родину, где я на свет явился,
Где похоронены мои все предки.
Пускай порой и зря я суетился,
Пускай метался, как тигрёнок в клетке.

Но дух свободы, веры и надежды
Во мне не угасает, потому ли,
Душой я молод, счастлив, как и прежде,
Хочу, чтоб эти чувства не уснули.

МЕЛАНХОЛИЧНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Душа заболела,
состарилась,
влезла в халат.

Но ей всё не ясно:
что делать
и кто виноват.

Ведь жизнь пролетела,
промчалась так быстро,
как жаль.

И радость исчезла,
осталась тоска и печаль.

И мается душенька,
мается ночью и днём.

Где счастье искать?
А она всё мечтает о нём.

Ушло, убежало
и спряталось за горизонт.

Оно так желанно,
как в ливень
спасительный зонт.

А были и вера с надеждой,
куда-то ушли.

Любовь затерялась.

Её мы сберечь не смогли.

Дырою огромной

сияет в душе пустота.

Такою несбыточной

давняя стала мечта.

Но всё отболит, отгорит

и угаснет пожар.

Кто молод душой,

никогда не становится стар.

Мечтой и надеждой

живёт на Земле человек.

Такие вот мысли

теснятся в моей голове.

ПЕЧОРА

Над седым Уралом ходят тучи.
Сам Урал, как великан могучий.
И суровы, и добры здесь люди,
Им никто не поднесёт на блюде

Ни работы, ни здоровья, ни удачи.
Пусть суров здесь климат, но не плачут.
Не медведь, здесь человек – хозяин.
Над Уралом реют птичьи стаи.

Здесь течёт река моя – Печора,
Что впадает в Баренцево море.
Ты мне снишься, Север, милый Север.
На лугах такой душистый клевер.

Здесь приволье, воздух свежий, пряный.
Над Печорою рассвет румяный.
А в реке сиг, сёмга, нельма, омуль.
Здесь в лесах тропинки все знакомы,

Где ходил я с мамой за морошкой,
Приносил грибов по два лукошка.
Детство незаметно так промчалось,
Если повторить бы всё сначала.

Только жаль, что время не воротишь,
Очень горько, что наш век короток.
Но, пока ты жив – жива надежда,
А надежда бесконечна и безбрежна.

РАДУЮСЬ ЖИЗНИ

Не устаю удивляться ребёнка рождению,
Не устаю удивляться весны возвращенью.
Краскам зари, разукрасившим небо,
Солнца восходу и запахам хлеба.
Радуюсь первым цветам на проталинах вешних,
Почкам набухшим, цветению ранней черешни.
Жду с нетерпением птиц, прилетающих с юга,
Жду я надёжного, верного друга.
Радуюсь жизни, прочь чёрные мысли.
Жизнь так чудесна, наполнена смыслом.

РАЗМЫШЛЕНИЯ В ПОЕЗДЕ

Поезд мчится и вагон качает,
Он сейчас взлетит, как самолёт.
Проводница со стаканом чая,
Колыхая бёдрами, идёт.

За неспешной тихой беседой
Мы с тобой до самого утра.
Сколько в жизни ты, мой друг, изведал,
Отдохнуть давно уже пора.

Поезд мчится. Города и веси
Пролетают в сумраке ночном.
Всюду люди, каждый интересен,
И у каждого семья и дом.

Всюду жизнь в её многообразье,
И у каждого заботы и дела.
Пусть порой хватает безобразий,
Надо брать всё то, что жизнь дала.

Надо верить и мечтать о лучшем,
Без надежды смысла жизни нет.
И других стараться меньше мучить.
Будут ласка и внимание в ответ.

ЧТО ТАКОЕ ЛЮБОВЬ?

Что такое любовь? Кто ответит?
Это блеск тех неистовых глаз,
Что порою с ума сводит нас.
И ты всё забываешь на свете.

Что такое любовь? Я не знаю.
Это омут бездонный такой.
И уж если нырнёшь с головой,
Не найдёшь ни конца и ни края.

Что такое любовь? Это радость,
Ласки нежные, шёпот ночной,
Соловьиные трели весной,
Губ любимых и свежесть, и сладость.

Людмила Балесная

Читаю в книге Памяти о своем деде:
Дубинин Егор Васильевич.
Курская обл. Рядовой.
Пропал без вести в феврале 1944 года.

Я перечитываю эти строчки,
Я их читаю снова, снова...
Хочу прочесть еще хоть слово,
Хоть слово после этой точки!

Ну почему так скупо, мало?
На фронте он два с лишним года.
Он шел вперед, не зная брота,
Что с ним случилось, что с ним стало?

Я вижу бой, солдат в атаке,
Огонь и дым кричат: «Ура!»
И, хоть февраль – жара, жара!
Их в рукопашной вижу драке.

А что потом? Потом? Не вижу!
Родной мой, милый, что с тобой?
Кричу: «Вернись, вернись живой!»
Ответа только я не слышу...

Я СТОЮ НА КРАЮ

Я стою на краю,
Я стою у черты.
В том, что жизнь не мила,
Виноват только ты.

Ты меня не согрел,
Ты меня не сберег.
Не искал нашу тропку
Средь многих дорог.

Ты меня не нашел,
Ты не понял меня.
Взял и мимо прошел,
Не заметив огня.

ЛЮБОВЬ У КАЖДОГО СВОЯ

Любовь у каждого своя,
Кому она, как жизнь в Раю
Светла, прекрасна и мила,
Кому – у бездны на краю!

Любовь – неистовый порыв
Всех чувств: красивых, добрых, нежных,
Букет ромашек белоснежных,
Кому – безумства бурный взрыв!

Но пусть любовь придет ко всем!
И растревожит нам сердца.
Растают души, и затем
Миг счастья длится без конца!

МОЄМУ ПЛЕМІННИКУ ЄГОРУ

Маленький Єгорчик, рідненька дитина,
Хай Бог тобі дасть для життя сильні крила!
Хай сонце дарує тобі теплоту,
Хай небо дарує тобі висоту,
Красу почуттів хай дарує весна,
Мета у житті твоїм буде ясна!
Небесні зірки хай дарують світ зору,
Струмок – чистоту і стосунків прозорість.
Нехай в тебе будуть здоров'я і сила,
Могутність, кохання, бажання красиві!
Ніколи не скривди свого ти ім'я,
І завжди з тобою хай буде сім'я!

ЩАСТЯ

Це моє кохання,
Це моя дитина!
Як я його люблю,
Люблю свого сина!

Як на нього дивлюсь,
То музика грає!
Як візьму на руки-
Серце завмирає!

Це якеєсь чудо,
Це якеєсь диво!
Милі мої люди,
Я така щаслива!

СЧАСТЬЕ

Когда бегу я утром по солнечному лугу,
Босой ногой сбивая бриллиант росы по кругу,
Бегу вперед с улыбкой, зажмурившись от солнца,
То кажется, что счастье стучит ко мне в оконце!

ЗИМА

Все белым-, белым-бело,
Снегом землю замело,
Замело да запорошило.

Реченька еще не спит,
Плавно средь снегов бежит,
Блики солнца в речку брошены!

А леса вокруг, леса!
Устремились в небеса
Белоснежными верхушками.

Зиму им стоять в пургу -
Все одетые в пуху
От начала до макушки.

Как бывает трудно
Справиться с собою.
Разум говорит одно,
А душа – другое.

Дождь по стеклам, по асфальту,
дождь по крыше...
Голос странный, хрипловатый четко слышен.
Голос рваный, голос сиплый, - дождь простужен,
Напролет весь день и ночь ходил по лужам.

Льется дождь, ему так грустно, одиноко...
Не суди его ты строго, однобоко.
У него в друзьях пока лишь только ветер,
Что порывов своей страсти крутит вертел.

ПУТНИК

Забытый путник в буре снежной
Упорно движется вперед.
Его чуть видно в мгле кромешной,
И ветер с силой полы рвет!

Ресницы инеем покрыты,
Мороз лицо и руки жжет,
В снегу глубоком ноги скрыты,
А он идет, идет, идет!

Идет вперед в метели белой,
И вот идти уж нету сил...
Заснеженный, заиндевелый
У Бога помощи просил:

«О, дай мне Господи, дойти!
Не дай упасть и оступиться!
Смысл жизни помощи найти,
Собрать по маленьким крупичам.

Я все сумею, все смогу
И докажу всем, что я сильный.
Метель, и вьюгу, и пургу
Переборю и пересилю.»

ОТЧИЙ ДОМ

Здесь дом родной, родное мне село,
И шлет привет мне легкий ветерок.
В душе от счастья снова расцвело,
И надо мною неба потолок.

Здесь все знакомо, каждая былинка,
И дерево, и быстрый ручеек.
И кустик, и зеленая травинка,
И синий, синий в поле василек.

Я вспоминаю детство озорное,
Я вспоминаю яблони в цвету.
И вот опять знакомую тропюю
Я, как и раньше, в отчий дом иду.

Знакомство невзначай, беседы ни о чем
И танцы просто танцев ради.
Стоим мы вместе, все нам нипочем,
Вдруг ты поправил мне рукою пряди.

Слова ушли... не знаем, что сказать,
Боимся встретиться друг с другом
взглядом.
И стало в жар и холод нас бросать,
Все тяжелей стоять нам было рядом.

Спасибо ветру – в чувства приводил,
Спасибо вечеру – скрывал волнение...
Ты в танце бережно меня водил,
И слышно было нам сердец биенье.

СКРИПКА

Как играла, как пела задумчиво скрипка...,
Выводила мелодию нежно и тонко.
Как кричала она без единого крика!
О беде говорила с надрывом и звонко!

Как понятны слова, говорящие звуком...
Как натянуты струны души ее хрупкой!
Лишь сравнить с тетивой натянутой, с луком,
Или штормом застигнутой на море шлюпкой.

О любви говорила нам скрипка, о встречах,
О страданиях сердечных и о расставаньях.
Об ожогах души, о метаниях вечных,
О красивых и светлых, счастливых мечтаньях!

Ты живи, моя скрипка, ты пой свои песни
И рассказывай нам про печаль и тревоги.
Мы пойдем, ты души нашей раненой вестник,
И похожи с тобой нашей жизни дороги.

Оксана Луценко

Слезами смою пыль дорог,
Смотрю в стекло, как март продрог,
Как нагло льется солнца свет,
А счастье - только лишь портрет.

Сорвала я ромашку в поле
И думала о нас двоих,
Но белый цвет завял в неволе,
Так гибну я без рук твоих.

Как может лед души растаять,
Когда ее никто не грел.

Из пустого нечего разлить.

Время – стихия, смерть – для живого,
Дыхание жизни – для вечности.
Я не умею жить для бывшего,
Я буду жить в бесконечности.

Соберу поцелуи в ладони
И развешу сушиться в тени.
Обо мне ты когда-нибудь вспомни
И из памяти вновь прогони.

Не намочи ресницы в слезы,
Не жми вспотевшую ладонь.
Не разбивай стихи на прозу,
Не прогоняй свою любовь.

Цветы, цветы, одни цветы,
Теряю взгляд в роскошном поле.
Мне хочется бежать, кричать,
И кажется, что я на воле.

Порыв души - июньский ветер,
Полет мечты - и я звезда!
Как просто все мне в этом цвете,
Как явь без прошлого проста.

Ромашки, ландыши, нарциссы -
Мне их дыхание свежо.
Ах, как прекрасно жить на свете,
Когда в душе моей тепло.

Но меркнет свет, и взор мутнеет,
Одни лишь блики на стекле.
Я пять минут была на воле
И во сто крат грустнее мне.

Цветы, цветы, одни цветы,
Теряю взгляд в роскошном поле,
Прекрасна жизнь в моей мечте,
А явь, увы, больнее боли.

Кто знал, что будет все вот так,
Судьба столкнула нас друг с другом.
Жизнь превратилась в кавардак,
И ходим мы с тобою кругом.

Не знали мы своих ошибок,
Не знали верности шагов.
Мы просто жили без улыбок
И превратились в двух врагов.

Враги? Мы? Что за бред?
Шучу, иль, может, все мне снится?
Сама себе даю обет
Найти тебя и помириться.

Поле, бесконечно уходящее в даль.

Туман рассеял серость пейзажа и скрыл горизонт. Встречный ветер сушит губы и глаза. Слезы палят щеки. Идти, только идти!

Гул ветра глушит шаги и дыхание. В глухом пространстве пустоты потеряно понимание реальности. Каждый шаг дается с трудом. Идти только вперед, к цели, к горизонту. Сухие стебли травы спутывают ноги. Редко мимо пролетают колючие шары перекасти-поля. Не вижу солнца и неба.

Дымчатые сгустки вместо солнца и неба.

Исполню любое желание за кусочек голубого и розового.

Шаг за шагом, шаг за шагом я приближаюсь. Ноют ладони и колени. Падала.

Сушит. Трудно глотать. Жажда.

Розовое и голубое - за глоток воды. Роса на лепестках цветов и стеблях травы.

Маленькие, прозрачные, чистые капли влаги. Слышу шум реки. Вижу пенистые волны горной реки. Из далека - далека, с самой вершины, из снега, слепящего своей белизной и солнечными лучами.

Опять перекати-поле. Сколько я иду?
Остановиться и отдохнуть. Нужно отдохнуть.
Зачем, куда идти? Заснуть. Заснуть, и все.

Глоток воды - за надежду дойти. Еще одно
перекати-поле. Царапины на руках и лице.
Красные струйки жидкости растекаются по коже
каплями надежды в мои ладони.

Надежду - за разум.

Только так. Не останавливаться. Цель достойна
затраченных сил.

Еще один вздох. Еще один шаг.

Юлий Войнарович

ДВА ШАГА К БЕССМЕРТИЮ (рассказ)

Лето стояло в полном разгаре, купаясь в горячих лучах южного солнца. Разомлевший от жары поезд еле тащился по степным просторам. Мне досталось нижнее боковое место. Полку надо мной занимал мужчина лет сорока, как сейчас говорят, кавказской национальности. Он сидел напротив и внимательно разглядывал меня.

– Что вы так смотрите? – раздражено спросил я.

– Понравился, что ли?

– Понимаешь, никак не могу вспомнить, где я тебя видел раньше? – кавказец всплеснул руками.

– Знаю, что встречал тебя, но где и когда – не помню. И голос твой мне очень знаком.

Теперь уже я стал внимательно рассматривать соседа. Память мне ничего не подсказала.

– Может, на Кавказе встречались? Я там часто бывал в молодые годы.

Сосед даже подскочил после этих моих слов.

– На Кавказе, говоришь? Ну, конечно же, на Кавказе! В Абхазии!

Помнишь: село Ажара? Мы тогда хоронили найденного солдата, и ты выступал, я сейчас тебя по голосу узнал.

И сразу вспомнилось все: 1982 год, июль, абхазское селение и салют из милицейского пистолета над свежей могилой.

– Рассказывали тогда, что его браконьеры в горах нашли. Охотились на горных козлов и обнаружили его останки. Он вроде связистом был: рядом нашли пустую катушку от телефонного кабеля и трубку. Я правильно помню?

– Верно говоришь. Только ты всего не знаешь. А я знаю. Потому что я – один из тех браконьеров, – кавказец умолк, смущенно опустив глаза.

– Не может быть! – удивленно воскликнул я. – Ты же тогда совсем еще мальчишкой был!

– Правду сказал. Мне 15 лет было. И другу моему, с кем на охоту ходил, тоже 15 было. За турами пришлось по скалам лезть. И вдруг его увидели. Понимаешь, даже страшно стало. Не лежал на земле он, а висел, держась рукой за выступ скалы. Поднялись мы к нему, осмотрелись. Сумка с телефонной трубкой там валялась, катушка пустая от провода у самого обрыва лежала. А провод к одной ноге его был привязан и вниз по скалам уходил. Потом среди камней мы нашли брелок такой, пластмассовый, а внутри него бумага. Только она сразу же в пыль рассыпалась. Остался небольшой кусочек, а на нем буквы, часть слова какого-то. До сих пор помню: «...линской» там было написано.

Дома отец мой отругал нас, что мы брелок открыли, говорил, что там фамилия солдата была написана и адрес домашний. А бумага на свежем воздухе и солнце сразу истлела. Ведь пролежал брелок на земле четыре десятка лет. В лаборатории специальной открывать брелок надо было.

А мы этого не знали. Вот и стал солдат неизвестным. Отец с соседями и участковым ездили снимать его со скал, в село доставили. После рассказывали, что висел солдат, привязанный за руку, на телефонном проводе. Наверное, немецкие егеря так над ним поиздевались... Ну, а на торжественном захоронении ты сам был...

Кавказец замолчал, заново переживая давние события. А я стал записывать услышанные факты. Потом, в течении многих дней я размышлял над ними, и постепенно начала вырисовываться картина событий, случившихся в конце лета – начале осени 1942 года на одном из отрогов главного Кавказского хребта, когда егеря из гитлеровской дивизии «Эдельвейс» рвались в Абхазию через перевалы. Имени того солдата мы уже никогда не узнаем. Пусть в нашей памяти он останется просто солдатом. Судя по обрывку слова, который запомнил грузинский мальчишка, солдат этот – наш земляк-украинец из Донбасса. Окончание слова «...линской», думаю, принадлежит слову «Сталинской», ныне Донецкой области. К названиям других областей оно не подходит. К тому же, в 1942 году для защиты кавказских перевалов сформировали 46-ю Армию, где большая часть личного состава была родом из Донбасса и Приднепровья. Так что все сходится, и пусть простит меня этот безымянный солдат, если то, что я расскажу сейчас о нем, происходило не совсем так. Это не умалит значения его подвига.

Клубы сизого тумана нехотя расплзались по глубоким ложбинам, избороздившим скальное тело гранитной вершины. Повинуясь движению воздуха, туман то стекал молочной струей вниз, то вновь карабкался наверх, то и дело обнажая

фигуру человека, медленно поднимающегося к неширокой скальной полке, крутой спиралью уходящей к зубцам вершины. Наконец человек ступил на полку, устало опустился на обломки камней, переводя дыхание. Снял пилотку, вытер пот с лица, расстегнул верхнюю пуговицу гимнастерки. Сбросил с плеч вещмешок, достал бинокль и принялся рассматривать нависающие скалы, прощупывая взглядом каждый метр поверхности. И вдруг внимание его сосредоточилось на одном месте. Через бинокль он отчетливо увидел свисающий круг оборванного телефонного провода.

– Вот и отлично! – воскликнул солдат хриплым голосом. – Будет у тебя связь, товарищ капитан. Скоро будет. Очень скоро.

Солдат торопливо поднялся, глянул вниз, в долину, откуда сюда пришел. Над вершинами небо то и дело озаряли вспышки света: там шел кровавый бой за Клухорский перевал. Там дрались с фашистами и умирали его боевые друзья. Он аккуратно отодвинул от края обрыва лежащую на камнях винтовку, достал из вещмешка свою рабочую сумку с инструментами и катушку с остатком телефонного кабеля и начал спускаться с полочки к тому месту, где отбитая взрывом мины каменная глыба придавила край оборванного ею телефонного провода. Солдат долго пытался сдвинуть эту глыбу с места или хотя бы приподнять её, чтобы освободить провод. И хоть обломок скалы был всего два шага в длину и столько же в ширину, ее вес оказался бойцу не под силу.

– Эх, был бы жив мой напарник, – вслух думал солдат, – он молодой, силенок поболее, чем у меня, вдвоем мы бы справились с этим камнем.

Да и ни к чему это было: у него на катушке провода еще много оставалось. Обрезали бы край провода, и делов-то всех.

Напарника солдат потерял вчера, когда нарвались они на засаду немецких егерей. Сразила товарища фашистская пуля, и улетел он с обрыва в пропасть вместе с катушкой и запасом провизии. И остался солдат один на один с суровыми горами, жестоким врагом и чувством долга перед боевыми друзьями и Родиной.

После еще одной безуспешной попытки сдвинуть камень солдат обрезал у самой глыбы часть кабеля, уходящую вниз, соединил его края с проводом на катушке и снова полез по скалам на полочку. Кабеля, что был у него на катушке, хватило только до скальной стены, уходящей от полки вверх, на которой висели на фоне неба кольца другой части оборванного кабеля. Отдышавшись, боец с трудом поднялся по выступам скалы к висящим кольцам, развернул их, опустил провод вниз. Конец кабеля до полочки не достал. Чтобы соединить оба края разорванного кабеля, не хватало куска длиной всего каких-то двух шагов – того самого куска кабеля, что лежал внизу под каменной глыбой. А катушка у солдата была пуста.

Он привалился спиной к скале, закрыл глаза, ветер доносил до него звуки дальнего боя. Представил солдат, как телефонистка Светлана без устали кричит в мертвую телефонную трубку свои позывные: «Я – Земля! Я – Земля!». Как его друг Сашко из разведроты, сидя на снежной вершине, неустанно сообщает «Земле» о продвижении немецких альпинистов по скалам в обход наших, называет координаты огневых

точек эдельвейсовцев в надежде, что его все-таки услышат.

Надо что-то делать, – сказал сам себе солдат, поднимаясь. – Винтовка! – вдруг мелькнула мысль. – Ну, конечно же, винтовка! И два провода из телефонной трубки!»

Он начал лихорадочно работать, и вскоре два провода из трубки и металлическое дуло винтовки соединило оба конца одного из проводов оборванного телефонного кабеля. Теперь осталось соединить два конца второго провода – и связь заработает. Но соединять их было нечем.

Застонал от сердечной боли солдат, от бессилия что-либо сделать. Обхватил голову руками и замер, прижавшись к скале. И вдруг вспомнился ему учитель из училища и его слова: «Помните, хлопцы, всегда помните, что человеческое тело – хороший проводник электричества».

Решение пришло мгновенно. Достал нож и зачистил от оплетки оба края разорванного провода, затем снял с одной ноги ботинок, размотал обмотку. Конец провода, идущего снизу, обернул вокруг ноги выше щиколотки и скручивал плоскогубцами медную жилу до тех пор, пока не почувствовал, что нога стала неметь. Затем подошел к скальной стенке, поймал рукой край верхнего провода, обнаженной частью его обмотал правую руку выше кисти и хорошо поработал плоскогубцами. Да так и застыл, распластавшись по гранитной стене, умиротворенный чувством исполненного долга...

...– Товарищ капитан! Товарищ капитан! – девушка-телефонистка влетела в командирскую палатку. – Связь появилась! Появилась связь!

«Небо» уже отвечает! Саша докладывает координаты.

– Вот молодцы, хлопцы! – капитан вскочил с ящика для патронов. – Какие молодцы! Представлю к награде, когда вернутся. Только бы остались живы. Только бы вернулись живыми...

Живут на планете песни,
похожие на легенды.
Бродят по странам легенды,
как песни.

Песни и легенды
слагают люди,
И сами становятся песней,
И сами входят в легенды.
Давайте о них будем помнить,
О тех, кто вошел в легенду,
И детям о них расскажем,
И детям детей расскажем,
И правнукам нашим расскажем,
Чтоб тоже помнили их.

СВЕТ КАССИОПЕИ (рассказ)

Эту книгу-альбом, изданную в немецком городе Лейпциге, я купил на книжном рынке у пожилой женщины, продававшей книги из домашней библиотеки, ставшей, по-видимому, уже не нужной.

Прекрасные рисунки двух чешских художников в альбоме воссоздавали облик ландшафтов планет Солнечной системы и звездных миров Вселенной.

Уже дома, знакомясь с книгой, я обнаружил среди ее страниц несколько листков из школьной тетради, исписанных мелким почерком. Это было письмо хозяина книги своей дочери, так и не отправленное адресату. Углубившись в чтение найденной рукописи, я познакомился с судьбой двух замечательных людей, каких не часто встретишь в нашем сегодняшнем мире. Жизнь этих людей достойна подражания, поэтому я позволяю себе сделать содержание письма достоянием широкого круга читателей.

«Дорогая моя девочка!

Наконец пришел час раскрыть тебе тайну, почему я назвал тебя таким редким, красивым именем.

Прости, что раньше, отвечая на твой вопрос, я ограничивался банальным «Мне так захотелось», или «Оно мне понравилось». Причина выбора твоего имени была совсем другая. Поскольку мое время стремительно истекает, да и ты стала

достаточно взрослой, я открою тебе самое сокровенное...

Каждый раз, когда передо мной открывается ночное небо, засеянное мириадами ярких и тусклых звезд, я сразу же начинаю искать среди них созвездие Большой Медведицы. Это огромный звездный «ковш», принимающий в свои объятия жизнетворные струи Космоса, тысячелетия питая надеждой души странствующих людей. Рядом с «ковшом» – Полярная Звезда, вокруг которой вращается Мирозданье, определяя наши судьбы и сроки.

Мой взгляд скользит по окрестностям «Медведицы» и останавливается перед группой звезд, расположенных таким образом, что если соединить их прямыми линиями, получится созвездие, по очертаниям напоминающее латинскую букву «дубль-В». Это – Кассиопея. Говорят, там есть разумная жизнь, думаю, более разумная и счастливая, чем наша.

Я уверен, что у каждого человека есть в окружающем мире талисман, к которому обращаются в часы душевной непогоды или в минуты солнечной радости. Для меня таким талисманом стало созвездие Кассиопеи, подаренное мне в юности.

Когда я бываю в городе, где прошли мои школьные и студенческие годы, я непременно приезжаю электричкой в небольшой пригородный поселок с букетом алых роз или белых гладиолусов. Сразу за станцией начинается улица, ведущая к той, кому предназначен мой букет.

Неделю назад я снова шел по этой улице, прижимая к груди огромный букет алых роз. Остановился, как всегда, у крайнего дома, где во дворе есть колодец с прохладной водой. Перед домом на лавочке сидят три пожилых женщины. Увидев меня, одна из них поднялась навстречу.

– Тебе воды? – как и в прошлые годы, спрашивает она после приветствия, глядя серьезно в мои глаза. Я молча киваю головой, и она уходит во двор и вскоре возвращается, неся в руках банку, наполненную водой.

Женщины на лавочке удивленно смотрят то на меня, то на хозяйку дома. Сразу видно, что они – приезжие. Наверно, подруги или дальние родственники.

– Проведать идешь? – спросила седая женщина, подавая воду. – Многих лет тебе еще, мил человек!

И в глазах ее я вижу светлую зависть.

Я поставил банку наземь и стал опускать в воду розы по одной. Слышал, как хозяйка дома просвещала старушек:

– Вот так каждый год приезжает с цветами, воду для них у меня берет. Когда впервой наливала ему воду для цветов, девчонкой была: мне десять годков тогда исполнилось. А третьего дня уже седьмой десяток разменяла. Сколько времени прошло, а вот не забывает ее. К любимой идет...

«Любимой? Я так никогда ее не называл» – думал я, бережно ступая по теплой земле, нагретой щедрым июльским солнцем, боясь расплескать воду. – «Все берег это слово для

другой девушки, которую любил безответно, да и сейчас люблю. А любимым я был для той, кому цветы ношу уже полвека. Родной она мне стала, ведь была единственной девушкой на свете, горячо любившей меня. Возможно, позже я назвал бы ее любимой, но судьба распорядилась иначе...».

Так размышляя, я обогнул овраг, густо заросший кустарником, и подошел к ее обители за железной оградкой. Она встретила меня, как всегда, улыбаясь одними глазами с овального портрета. Я поставил банку с цветами возле оградки и прижался щекой к теплому от солнца мрамору...

И воскреслив в памяти события пятидесятилетней давности ...

...Я учился тогда на первом курсе геофака университета. В группе у нас было много девушек, юных и красивых, а мне было двадцать лет и, естественно, я увлекался то одной, то другой сокурсницей в поисках той единственной подруги, любимой на всю жизнь. Девушки меня своим вниманием не баловали, но я верил, что главная встреча еще впереди. И она состоялась. Я влюбился отчаянно, пылко, навсегда, но, увы, безответно. И тогда, чтобы не хандрить, я ушел в науку, ничего и никого не замечая вокруг.

Однажды на лекции мне передали записку без подписи с приглашением на свидание. Я прождал в назначенном месте более двух часов, но автор записки так и не пришел. Я понял, что это розыгрыш, и на последующие приглашения не реагировал. И тогда самая

бойкая однокурсница – Жанна поделилась со мной страшной тайной: оказывается, одна из моих подруг по учебе страстно влюбилась в меня и сильно страдает от моего невнимания. Это меня заинтриговало, и я стал наблюдать за девушками курса. И вскоре нашел ее. То была тихая, скромная, застенчивая девушка из пригородного поселка, с редким, красивым именем и постоянно грустными глазами. Она избегала общения не только с нашими ребятами, но и с подругами по курсу. Встретившись с моим взглядом, девушка всякий раз сильно краснела и опускала глаза, не зная, куда девать свои тонкие руки. Нет, такая девочка никогда не решилась бы писать мне любовные записки. Я начал расследование, и вскоре та самая Жанна призналась, что писала эти записки мне от имени девочки, и ей от меня просто ради шутки. И записки «от меня» сделали свое дело: девочка действительно влюбилась серьезно, и эта любовь принесла ей радость и страдание.

Из жалости, что ли, я начал временами оказывать девочке знаки внимания, и каждый раз она расцветала красивым цветком. Никаких чувств к ней, кроме как к беззащитному ребенку, я тогда не испытывал. И в этом была моя большая вина перед ней. Я ходил с девочкой в кино, провожал после занятий на электричку, объяснял непонятный учебный материал, иногда садился с ней рядом на лекциях. А она наверняка ждала от меня слова любви, строки стихов, просто нежности. Но свои стихи я давно

уже посвящал другой, а взять девочку под руку, идя с ней по улице, я почему-то не решался.

Когда пришло время летней полевой практики, мы оказались в одной бригаде. И тут мой «беззащитный ребенок» сразу преобразился. Она была своей в среде цветов и трав, кустарников и деревьев, различных букашек и птиц. Девочка горячо любила природу и сливалась с ней в единое целое. Она так много знала природных тайн и все время стремилась поделиться ими. Но нам всегда было некогда и недосуг ее слушать. И в душе ее не осталось больше места для всего другого, кроме природы. Днем она с упоением работала над заданиями практики, а по вечерам уходила подальше от нашей шумной, поющей компании, уединялась и подолгу сидела, глядя в ночное звездное небо.

Однажды я подошел к ней и сел рядом. Глаза девочки тут же засияли от радости, наверное, ярче, чем небесные созвездия. Она тронула меня за рукав, указывая взглядом на звездное небо.

– Посмотри, как красиво! Философ Кант говорил, что самое прекрасное и удивительное в нашем мире – это звездное небо над головой и глубины человеческой души. Как он прав, неправда ли? Как он прав...

Мы долго молчали, глядя на звезды. И вдруг она тихо сказала:

– Знаешь, я хочу подарить тебе одно созвездие. Пусть оно будет всегда с тобой. Вот, посмотри, видишь его недалеко от Большой Медведицы? Оно напоминает букву «В» из немецкого алфавита.

Это – Кассиопея. Мой любимый звездный цветок на нашем небе. Я дарю его тебе на счастье.

– Спасибо, конечно, – сказал я, растроганный таким необычным подарком.

– Только в честь чего ты мне его даришь? Мой День рождения уже прошел, а других праздников пока не предвидится.

– А просто так разве нельзя сделать подарок...
– девочка на мгновение запнулась – ...хорошему человеку? Знай, что на небе есть звезды, которые так мне дороги. Они всегда помогут тебе в трудную минуту... Потом, когда меня... не станет... – голос ее задрожал, – ты посмотришь на Кассиопею... и вспомнишь меня.

В звездном свете на глазах у девочки заблестели звездочки-слезинки. Она отвернулась и закрыла лицо ладошками.

Я решил развеселить девочку и стал дурачиться:

– Спасибо тебе, моя Королева, за такой щедрый подарок. Только уж больно мудреное название у звезд этих. Сразу и не запомнишь!

А можно я буду звать их по простому: Косолапея? И мне это слово ближе: друзья детства зовут меня «Бурый Миша» за сходство во всем с косолапым медведем. И звезды твои любимые прижимаются к Матери-Медведице. Так что буду звать твой подарок Косолапеей.

– Как? Как ты сказал? Повтори! – в голосе девочки зазвучали веселые нотки. – Косолапея? Замечательно! – и она радостно засмеялась.

– А знаешь, – сказала девочка, окончив смеяться. – Ты не прав насчет отсутствия

ближайшего праздника. Завтра у меня День Рождения. Мне исполнится восемнадцать лет, и стану я совершеннолетней девушкой.

Ты мне тоже сделай подарок по такому случаю. Подари мне цветы. Я очень люблю розы и гладиолусы. Только ты этих цветов здесь не найдешь. Знаешь, подари мне «котики» камыша. Ну, такие коричневые, бархатные. Камыш растет здесь недалеко, на заболоченном участке реки. Я их тоже очень люблю, они всегда стоят у меня дома в цветочной вазе.

Девушка замолчала и снова стала грустной. И вдруг она придвинулась ко мне и шепотом сказала:

– Пусть у тебя тоже всегда стоят камышовые «котики». Ты полюби их, пожалуйста. Они будут напоминать тебе обо мне, когда меня... не станет. Она прижалась лицом к моему плечу и залилась слезами.

– Ну, что ты, девочка? – я попытался обнять ее. Девушка испуганно отшатнулась, вскочила на ноги и тихо повторила:

– Не надо... Не надо... Не надо...

И медленно пошла к сидящим у костра ребятам...

А на завтра был мокрый от дождя песок на берегу реки, спекшийся в одном месте от удара молнии... И кусочек ее розовой кофточки в белый горошек, обугленный по краям... И еще ее признания мне в любви, написанные вперемешку с записями наблюдений и вычислений в «Дневнике полевой практики» студентки первого курса... Вот и все, что осталось от нее.

И еще осталась память...

Кровинка моя, теперь ты знаешь все о той, чье имя ты носишь. Я думаю, что ты правильно поймешь меня и оценишь мой поступок, который так и не смогла понять твоя мама.

Яркой вспышкой света пронеслась эта девочка в моей жизни, подобно метеориту, прилетевшему из глубин Космоса. А может быть, она и была посланцем того неведомого мира, обитающего на планетах созвездия Кассиопеи. И не ушла она из жизни, а просто вернулась назад, чтобы озарять светом Вселенную и человеческие души.

Пятьдесят лет живет она в моей Памяти, и будет жить до конца дней моих, и ее несостоявшаяся любовь будет согревать мне душу и сердце, освещая мой путь ярким светом далеких звезд Кассиопеи.

И я завещаю тебе, моя дочь, самое дорогое, что есть у меня в жизни – этот немеркнущий звездный свет. Пусть он всегда помогает тебе в трудные минуты и разделяет с тобой мгновения солнечной радости».

Дмитрий Уральский

РОМАНС

Тебя я встретил случайно.
Ты была воплощеньем мечты.
Фея, окутана тайной,
Бриллиант неземной чистоты.

Разбито сердце на части.
Как собрать, подскажите вы мне?
Сгорает душа от страсти,
Не остудить, забываюсь во сне.

Живу надеждой одною,
Что я встречусь однажды с тобой.
Ты боль залечишь любовью,
И будешь рядом со мной.

А если так не случится,
Не сломаюсь я, выдержу боль.
Ты будешь ночами мне сниться,
Другой будет счастлив с тобой.

Когда печали накроет волна,
И давит на мозг ее глубина.

Ты классику настроить поспеши,
Найди свою мелодию души.

Закрой глаза и поднимайся ввысь,
И в звуках музыки ты просто растворишься.

И ощути свободное паренье,
Летишь – долой земное притяжение!

Пари и слушай музыку души,
На землю опускаться не спеши.

Все стихло, и окончен твой полет,
Печаль ушла, и дальше жизнь идет.

Дожди зашуршали осенние,
Льется с неба на землю вода.
Шепчет осень свою колыбельную,
Зиму скоро ждем в городах.

Одеялом пушистым укроет,
Белоснежную стелет постель.
Ветер песню натужно завоет,
Снежной пылью завьюжит метель.

Затрещат в жаркой печке поленья,
Дымом сразу запахнет кругом.
Снег на солнце огнём заиграет,
Под луною блеснет серебром.

Не время сдаваться - такой девиз!
Движение - жизнь, сомненья отбросим.
Мы рождены летать, не падать вниз,
Хоть за плечами крылья и не носим.

Опасности и трудности пройдем,
Дух закалим, себя преодолеем.
И нашу веру с честью пронесем
На всем пути, идя к заветной цели.

НЕЗНАКОМКЕ

Тебя я увидел однажды,
Твои поразили черты.
И глаз-угольков сиянье,
Улыбка – достойна мечты.

Любуясь твоей красотой,
Не жду ничего я взамен.
Тебя называют мечтою,
С тобой мне приятен плен.

ИМЯ ТВОЕ ЛАРИСА

жене Ларисе

Милая, единственная,
Все было решено до нас,
Пленила меня таинственность,
Загадка нефритовых глаз.

Волосы цвета каштана,
И ласковых рук теплота,
Французских духов нежность,
Не женщина - просто мечта.

Души моей половина,
В ночной темноте – огонек,
Слабость моя ты и сила,
Уют после дальних дорог.

Имя твое прославляю,
Как веру, надежду, любовь,
Стихи тебе посвящаю,
Люблю и влюбляюсь вновь.

Пишу стихи по состоянию души,
Бывает днем, а иногда в полуночной тиши.
Наружу мысли просятся для самовыражения,
Рифмуются слова – рождается стихотворение.

Не каждого старца считай мудрецом,
Кто прожил жизнь, оставшись глупцом,
Кичиться возрастом его удел,
Для мудреца же вечность – не предел.

Как чувства разные в нас уживаются:
Порядочность и способность обидеть.
Как получается так трепетно любить,
И так непримиримо ненавидеть.

Вопрос задали мудрецу,
Все в мире тлен, приходит все к концу.
Старик сказал, задумавшись слегка:
- Бессмертна мысль, она живет века.

Я гляжу за окно -
Череда темных туч
Солнце скрыла от глаз,
Ветер зол и колюч.

Дождь в окошко стучит -
Хочет в гости зайти.
Я открою ему,
Пусть со мной посидит.

Расспрошу, от чего
Слезы горькие льет,
Может просто его
В дом никто не зовет?

Все врут зеркала, едва ли
Они – отраженный свет.
Очей прекрасных сиянье
И взгляд, уставший от бед.

Зачем их зря виноватить,
Они ведь немое стекло.
Покажут то, что увидят,
Не прячут, что к ним пришло.

Почаще им улыбайтесь,
Дарите свою доброту.
Печали не поддавайтесь,
Цените любовь, красоту.

Когда мы соберемся за столом -
Друзья и родственные души -
Стихи свои и прозу перечтем,
Биение сердец послушать.

Мы все больны диагнозом одним,
Терзанья рифмою похожи,
Писать стихи – рождению сродни,
Вы с этим сталкивались тоже?

Так хочется быть понятым людьми,
Не просто так марать бумагу.
Коль на суде творения твои,
Держись достойно и с отвагой.

Все было когда-то сказано
И было кем то написано,
Но дело не благодарное-
Твердить прописные истины.

Так что же меня тревожит,
Не живется как-то спокойно,
Сверлит голову, душу гложет
И несет куда-то невольно...

Предавным -предавно пройдено,
И от зарождения мира
Постоянно те же вопросы,
Страдают все так же лиры.

Забросить все и не маяться ?
Не забивать себе голову?
Нет, как-то не получается...
Не выберусь.
В этом круге
Снова я...

Что наша жизнь, отрезок пути,
Одна черта между датами.
Мне самому по нему идти
С рассветами и закатами.

Наполню смыслом дни до минут,
Творить буду снова и снова.
Меня мечты за собой ведут,
Для песни найдется слово.

Себя леплю, себя создаю
Огнем и водой ледяною,
Душе летать, ей крылья крою
Свободно парить над землею.

Для совершенства предела нет,
Настанет мой миг озаренья,
Божественный и во мне есть свет,
Придет и мое вдохновенье!

Я опять загрустил – меланхолия.
Август сыплет холодным дождем,
Скоро осень с шуршащими листьями.
Солнце будет еще, подождем.

Днями теплыми будет радовать
(Лето жаркое там, далеко)
И приятно прохладой баловать -
Утром дышится так легко.

Это год один лишь прибавился
Ветерком к пролетевшим годам,
С гостьей-осенью встречу праздную
И грущу с дождем пополам.

Твердят приятели, что я – философ,
Цитирую восточных мудрецов,
Ответ ищу на множество вопросов.
Что изменилось с глубины веков?

Мудрее стали мы? – я не уверен,
Движение прогресса губит нас.
Теряем много в бешеной погоне,
Судьбу людскую рушим мы подчас.

Отчего-то мне размечталось,
Что вернутся светлые дни.
И надежда вдруг показалась,
И горят поярче огни.

Все опять когда-то вернется,
Полоса поменяет цвет.
И из рога удачи польется
Благодать на остаток лет.

Силы найти для терпения.
Где запряваны?- Подскажи.
Вера несет мне спасение,
Сил придает дальше жить.

Майя Кузнецова

ВАЛЬС

Мой визави!
Даю вам руку,
Как хрупкий мир,
Как нежный дар.
В губах моих –
Слова разлуки.
Сорвите их,
Нарушив чар
Слепой обман.
Чуть вздрогнут плечи
Под пылью ласк
Моих волос.
Немного пьян
Уставший вечер.
Но вы – не так.
У вас – всерьез.
Мой визави!
Не знать, а верить
В движенье тел,
В паренье рук.
...Пусть нам, увы,
Лишь вальс отмерен,
Но губы стен
Нам шепчут:
- Вдруг...

БЕДНЯГА-ДОЖДЬ

Всего лишь дождь
Слезами с неба
Сорвался вниз, не извинясь.
Шел по траве за мною следом,
Сбиваясь с ритма, торопясь.
..В стране грехов разбитым сердцем
И ливнем слез – не удивить.
Бедняга-дождь хотел погреться,
Но я – успела зонт раскрыть.

Я – К ТЕБЕ

Троллейбусы рвали за провода
Истерично, остервенело.
Летели искры и слезы льда
В прохожих редких, оцепенелых.
Скрипя натужно, хрипя утробно,
Скользили дружно,
А ты – под чай
В объятьях кресла дремал удобно,
Пока рвалась я
В твой теплый рай.

ЗЕРКАЛА

Не верь зеркалам – мы стареем лишь в них.
Мое отражение в глазах твоих – то же
И годы спустя. Зеркала – для других.
А сердце – правдивей, ведь сердце – моложе
Бездушных предметов и паспортных цифр.
В глазах моих – твой нестареющий образ.
Все врут зеркала – отвернемся от них.
И – только в глаза, в них ведь -
истинный возраст.

ПОЛНЕБА

Роняя снег, не тающий в ладонях,
Клонился вниз цветущий абрикос.
И шел мужчина, явно посторонний,
И, как атлант, в руках полнеба нес.
Кому, зачем нужны полнеба эти,
Я не спросила, - ослепляя взгляд,
Его лицо цвело небесным светом
И отражало ласковый закат.
И весь в цветах, за ним летевших следом,
Мужчина нес полнеба на руках –
Соединить им сорванных полнеба
С ее полнеба в любящих глазах.

НОЖ

Мне снился нож,
Сквозь ребра рвавший сердце.
Но, чья рука сжимала рукоять,
И кто хотел в крови моей погреться –
Я силилась, и не могла понять.
И сталь была такой необратимой,
Хотя всего одно движение вбок-
И острый луч прошел бы зря и мимо.-
Но мозг застыл, без битвы приняв рок.
...С утра, проснувшись мокрой и холодной,
Коснулась шрама слева, не дыша.
И чуть блеснуло телом инородным
Из-под подушки лезвие ножа.

ДЖОРДАНО БРУНО

Я – уже не пророк.
Не ученый. Не инок.
Кто-то крикнул: «Обман!»,
Не дослушав слова.
Свиток смявший в комок,
Камнем бросил мне в спину,
И медвежий капкан
Пододвинул к ногам.
Я теперь – еретик.
Помесь вора с инкубом,
Расколовшая пласт
Отвердевших сердец.
Мой предатель был тих
И любезен. Но грубым
Облеченный во власть
Был святейший отец.
Я – уже на костре.-
Награжден за заслуги.
Вместо звона монет –
К небесам на пути.
Не прощённый мне грех
Лижет пламенно руки,
Прошипев в тишине
Мне: «Джордано, прости!»

ОСЛЕПЛЯЕТ ГЛАЗА НЕ СВЕТ...

Ослепляет глаза не свет –
Ослепляет глаза тьма.
Ты захочешь найти ответ,
Не сойдя при этом с ума.
...Убивает тебя не смерть –
Убивает тебя страх.
Каждый вдох твой и каждый жест –
Только шаг на пути в прах.
...Но надежду даёт не Бог,
И не вера в блестящий храм.
Все надежды – у наших ног.
Наклонись и возьми сам.

ГЕРОЯМ

Сто лет назад
Я бы рвалась на части
За идеал, за истину и честь.
Из баррикад
Взывала к битве с властью,
Расправив флаг
С кровавым словом «мечь».
Сто тысяч рук
С моей бы бились рядом,
Меняя жизнь на смутный идеал.
Не потому,
Что верили: так надо,
А потому,
Что выбор – слишком мал.
...Сто слов сказав,
Я вижу их нелепость
Сейчас и здесь.
Я вижу: нет идей,
Как факел ярких,
Каменных, как крепость,
Достойных смерти
Лучших из людей.

ИДЕЯ

Как идея моя удачна!
Эх, ее бы облечь в шелка,
Чтобы форм подчеркнуть прозрачность,
Чтобы блеска придать слогам.
Нет, пусть лучше – в льняной рубахе,
Без прикрас и в лаптях простых,
Чтобы мог оценить читатель
Мой безпафосный чистый стих.
Нет!- пусть выйдет на свет нагая.
Все равно ли,- не в первый раз
Забросает ее камнями
Злобный критик, прищулив глаз.

LIBERIA!

Свободы!-
Вырвать медную цепь
Из купоросной плесени.
И чтобы-
Стремиться, хотеть и сметь,
Нерв натянув до трещины!
Свободы!-
От пыли, покрывшей мозг,
От грохота и молчания,-
Так, чтобы
Опоры, что держат мост,
Разрушить до основания.
Свободы!-
Движениям сжатых рук,
Распятым мыслям, поникшей воле.
И чтобы,
рядом был кто-то-
Вдруг
Свобода будет страшнее боли

ПЬЕСА ДЛЯ ДВУХ АКТЁРОВ

Акт первый. Аплодисменты.
Завязка сюжета: взгляд.
И, не упустив момента,
Герой покидает ряд.
Герой начинает сцену,-
Джульетта потупит взор,
Не зная, какую цену
Заплатит за этот вздор.
Идея: любовь до гроба.
Ей – гроб, а ему – любовь.
А зритель так хочет, чтобы
И драма была, и боль.
Развязка: обман, измена.
Рукою оборван пульс.
Занавес. Аплодисменты.
Где зритель? -
Театр пуст.

ОН ТОГДА БЫЛ НЕ ПЬЯН

Он тогда был не пьян.
Он тогда был влюблен.
В серых глаз океан,
В каблучков перезвон.
Он метался, как зверь,
Рядом чуя капкан,
Веря слову «Поверь!»,
Он тогда был не пьян.
Да и буйным не был,
В драку с другом не лез.
Он ее отпустил.
Он тогда был нетрезв.

НУ, ВОТ...

Ну, вот, отпускаю небо,
Роняя в густой закат.
Из глаз, синевато-серых,
Весь свет отдаю назад.
Устала. Устала длиться
И биться о горизонт.
Прикрыв облака-ресницы,
Сминаю небесный свод
В обрывки, в осколки, в крошки,
Меняя рассвет на мглу.-
Мне света дано чуть больше,
Чем вынести я могу.

МОЙ КОРАБЛИК

Был несильным попутный ветер,
И, расправив немного парус,
Мой кораблик стоял на месте,
На зеленой волне качаясь.
...Если б ты выдыхал весь воздух –
Мог бы зваться попутным ветром.
Ты вполсилы дышал – ты просто
Знал, что я
Прихватила весла.

ТУМАН

Свет от фар
туман не растворяет –
И машина движется наощупь.
А в окно белеет среди ночи
То ли смерти профиль,
То ли очень
Метко снег комки свои бросает.
...Я боюсь и судорог и боли –
Если вдруг.
Боюсь себя и мысли,
Что туман - не призрачнее жизни,
Ощутимей, чем года и числа,
Тише тишины, немей покоя.
...Свет от фар –
Как щупальца в надежду,
В полу-жизнь,
В полу-раскрепощенье,
Где от света оживают тени,
Постепенно приходя в движенье.
...Скоро – дома.
Скоро – всё как прежде.

СМЕРТЬ

Так странно – срезанная роза
Совсем недолго хороша.
А так хотелось, чтоб душа
Немного дольше в теле билась.
Но сердце вдруг остановилось,
Как будто что-то надломилось.-
И тело вянет не спеша,
Как будто сорвана душа
Рукой жестокой, а не роза.

ЕСЛИ

А если весны не будет?-
Останется снег и лед.
...О, сколько печальных судеб
Разбито о гололед!
И сколько рывков отважных
Озябших от стужи душ
Осталось, как день вчерашний,
В надтреснутых стеклах луж.
...А если меня не будет?-
Ты будешь любим другой.
Под снежным налётом будней
Душа обретет покой,
Затянется коркой мутной.
Остынут мечты и сны.
И если меня не будет –
Хотя бы дождись весны.

ВСЕ СВЕЧИ СГОРАЮТ

Все свечи сгорают.
И ты догоришь,
Сожжённая внутренним ядом.
А тот, кто зажёт
Этот тонкий фитиль?-
Он здесь. Говорящий: «Так надо!»
Он шепчет: «Гори!» -
Ты послушно горишь,
Дрожа, задыхаясь от чада,
Пытаясь согреть.
И весь мир осветить
Была бы, естественно, рада.
Но – прервана жизнь твоя
Твёрдой рукой.
Небрежно, спеша, мимоходом.
...А хочешь – будь
Декоративной свечой,
В витрине пылящейся годы.

РАЗМЫШЛЕНИЕ...

Любила в нем
Свои надежды,
Свои мечты,
Свои страдания,
И собственную боль,
и нежность,
И слов, незначимых,
Блистанье...
Узнать бы все же
У кого –
За что любила я его?

ЕДИНСТВЕННОЙ (МОНЕ ЛИЗЕ)

Рисую твой портрет,
Не смешивая краски,
Углем на солнечном холсте,
И добавляю цвет,
Но все напрсно:
Я не ловлю твоей улыбки тень...
Несовершенен мир
И время быстротечно:
Меняются любимые черты.
И нет в том мире ничего навечно,
Но, как всегда, прекрасна – только ты...
Так долго ждал я
Этой первой встречи,
Искал пересечения дорог.
И длинен путь мой,
Как небесный млечный,
И непреодолим молвы порог.
Вечерний свет
Своим сияньем зыбким
Меняет вновь любимые глаза...
И снова – только тень твоей улыбки
Мелькнула: уловить её нельзя.
Исчезла ты – останется загадкой
Таинственной улыбки даль...
Я отгадал:
Тот миг улыбки краткий –
Твоей любви
Несбывшейся
Печаль.

О ЦВЕТЕ

Я пришла сегодня в черном
Рассказать тебе, что счастье
Безупречно, но – конечно,
В жизни все должно кончаться.

Я пришла сегодня в красном,
Сразу должен ты понять,
Что шутить со мной – опасно,
Встречам больше не бывать...

Я пришла сегодня в белом,
К победителю - сдаваться,
Ну, не будь таким несмелым,
Начинай в меня – влюбляться!

ПРЕДЧУВСТВИЕ...

Золотыми нитями лучей
Связаны земля и облака,
Перед неизбежностью ночей
Их сметала вечера рука.
Потемнело кружево кустов,
Ноты птицы сонные теряют...
Запахом таинственных цветов
Ночь печально землю обнимает.

Я ЖИТЬ ПРОДОЛЖАЮ...

Засыпало снегом
Любовь и желанья,
Зима так бездушна,
 Бела и чиста.
Ушло в забытье
Наших встреч ожиданье.
Я жизнь начинаю
 С другого листа...
Странанья и беды
Ушли безвозвратно.
Душа холодна
 И безмерно пуста...
Но не принимайте
Слов этих превратно:
Я жизнь начинаю
 С другого листа.
Когда-нибудь, снова
Мне память напомнит:
Ваш образ во сне,
 Он придет неспроста...
Но сердце тревогой
Он мне не наполнит:
Я жить продолжаю
 С другого листа...

Я ЧУВСТВУЮ...

Забыть любовь и, душу сжав в кулак,
Заполнить будни суетой сует.
Убить любовь, но, как же жить и как
Убив ее, смотреть на белый свет?
И чем заполнить пустоту ночей?
И чем встречать безрадостный рассвет?
Жестокостью чужих, сочувственных речей
О том, что жизнь одна и счастья – нет!?
И мысли непослушные опять
Врываются в бессонницу мою...
Хочу убить любовь, но не желаю знать,
Что вместе с ней себя я, тот час же, убью.

МИМОЛЕТНОЕ...

Звук поездов проходящих
Будит желание встречи,
Свет ожерельем блестящим
Вдруг пронизал этот вечер.
Вспомнится горечь разлуки,
Слезы коротких прощаний,
Гибкие, нежные руки,
Ложь и тоска обещаний,
И исчезает надежда,
Смысл искажается слова...
И ожиданием странствий
жизнь наполняется снова.

СВЫШЕ...

Не стоит ни о чем жалеть:
Все предусмотрено не нами...
И чья – то участь – тихо тлеть,
А чья – то - засиять огнями.
А, может, для того дана
Нам испытаний тяжких чаша,
Чтоб, ощутимо и сполна,
О счастье вспоминали чаще.
Чтоб не стирались грани зла,
А капли счастья, как алмазы,
Сверкали, и судьба была
И карой и подарком сразу.

ДЕКАБРЬ. НАЧАЛО.

Иероглиф абрикоса
Украшает белый снег,
Над землей висит холодный,
С запахом арбуза, свет.
У березы белой косы
Почернели, и кора
Посерела от мороза:
Холодов пришла пора.
Воробьи горбушку стайкой
Отбирают у синиц,
Бриллиант слезинки тайной
Из-под инея ресниц...

ПОДЛОСТЬ

Как черная змея
она гнездится
в глубинах душ,
не трогая сердец.
И, до поры,
боится проявиться:
тогда и чести
и любви - конец!
И, все зависит
от хозяина ее:
толчок - и, вот,
покинула жилье,
и выползла,
и, устали не зная,
плодит другую,
злобно ожидая, что
не одна она такая..
Но, вдруг, столкнувшись
в жизни с неприятьем,
бросается к хозяину
в объятия и
возвращает все,
сполна и навсегда.
Увы, все это -
не ее беда!

ОСЕННЕЕ

Опускается занавес
Замерзающих листьев:
За спиной тихий шорох
Парчи золотой.
Обнаженным рябинам
Коралловой кистью
Осень бусы рисует,
Уходя на покой...
Опускается занавес,
Ветер стих на мгновенье,
От прощания с солнцем
Сжимается сердце.
Не прошу я у лета
Сегодня прощенья:
Я на позднюю осень
Хочу наглядеться...

Дороги сокращают расстоянья
Но пробуждают странную тоску:
Былые встречи, дружба, расставанья
Назад, к истоку, за собой влекут...
А память, так враждебно и печально,
Спешит опять, к былому возвратить,
И глаз любимых свет, прощальный,
Все продолжает издали манить.

УСЛОВИЕ

Ты можешь быть счастливым,
но ... если одно условие
будет соблюдено,
и будет вся жизнь
для тебя - начинаться,
когда ты начнешь
ничего не бояться:
ни лени бездумной,
ни счастья без дна,
болезней, ночей,
где тебе не до сна,
общенья со злом
и даренья добра,
и утра без солнца,
и солнца с утра,
друзей, и врагов,
и любви неприятья...
и вдруг ты проснешься
у счастья в объятьях!

ФОНОВЫЙ РИСУНОК

На моем дисплее облака
Прячутся старательно за горы...
Города далекого строка,
волны с ветром неумным спорят.
Турции далекий минарет
Кажется неровною иглой,
В небе самолета дальний след
Над чужой, непознанной страной.
Музыка далекого Востока
Нежно прорывается в сознание.
Ночь. Печаль. И очень одиноко...
Ощущение песчинки в Мироздании.

Не гадай мне гадалка,
Судьбу не предсказывай:
С нею я проживу,
Не погибнет она.
И дорогу другую
Судьбе не заказывай:
Если так суждено -
Пью я чашу сполна.
Расплачусь я с тобою
Монетою звонкой,
А с судьбой разберусь
До начала конца.
Не по краю иду,
Не держусь я сторонкою;
Ветер встречный срывает
Улыбку с лица...
Я не буду грешить:
Есть и беды, и радости,
Только нет здесь весов,
Чтоб отмерить баланс...
Пусть звучит – да подольше
Судьбы моей благовест,
А гаданье твое
Ничего мне не даст.

ПОЭТУ

Я прикоснусь к твоим стихам,
Любви созвучьем назову...
Пусть ты не мне судьбою дан,
Но я в твоих стихах живу.
Нас разделяют не века,
Не расстоянья, не прогресс,
Над нами – те же облака,
И я – с тобой, хотя и без!
Пусть рядом та, чей стан обвит
Шелками цвета облаков,
Она не смеет запретить
Мою печаль, мою любовь.
А я в ладонях, как свечу,
Лелею память о тебе
И для тебя лишь я шепчу:
Ты был, ты есть в моей судьбе...

ПРОСТИ

Я прощаю тебя прощеньем
Утром, вечером, ночью, днем ...
Я прощаю – и нет сомненья:
Мы, как прежде, с тобой вдвоем.
Ты молчишь – я тебя прощаю,
Нет тебя – я простила снова,
Ты пришел – я себе обещаю,
Что я встречу тебя с любовью.
Дни бегут, улетают ночи:
Все спешат нам грехи отпустить...
Одного лишь желаю очень,
Чтобы ты мне сказал – прости!

АНАЛОГИЯ

Вся жизнь моя – романс,
Жестокий и прекрасный,
Крушение надежд
И таянье любви...
Я так была полна
к тебе любовью страстной,
И счастья миг
В обмен на жизнь
Старалась уловить...

Казалось мне тогда,
Что счастье безмятежно,
А рыцарь – он один!
И это только – ты!
Но погасить сумел
Любовь мою и нежность
Ты, грубо растоптав огня
Несмелые цветы...

Вся жизнь моя – романс,
Но замок твой – без двери,
И окна у него
Бойницами зовут.
И в сказки о любви
Я перестала верить,
И для меня теперь цветы
Забвения цветут...

Николай Авхутский

Холодная осень,
Пустой небосвод,
Ни радости в сердце,
Ни чувств, ни забот.

Душа онемела
Под звоны дождя,
Шумит резкий ветер,
Листву теребя.

Лишь ты, словно солнце,
Развеяла мрень,
Во тьме не дала мне
Душой умереть.

О, синее небо –
Лазурный простор,
Раскинулось смело,
Обняв косогор.

Купаюсь я в море
Любимых лучей,
Что свесило солнце
На лоно полей.

И льётся мне в душу
Небесная синь,
И рвётся наружу
И сердце, и жизнь!

И смута, и слабость
Погибли во мне,
Одна только радость
Царит на земле.

МАТЕРИ

Сад белым снегом замело,
Свистит безумная метель,
Смотрю я в белое окно,
И катится к закату день.

Играет музыка зимы
И в душу с холодом плывёт,
Немало пережили мы
Мгновений светлых и забот.

Я с детства заимел талант
Проблемы в жизни собирать,
Советы гордо отвергал,
Что ты давала щедро, мать.

Средь серых и печальных дней,
Когда я был так одинок,
Лишь свет любви ко мне твоей
Помог мне не свалиться с ног.

Белый месяц, море стонет,
Солнце скрылось в лоне вод,
Пеленою чёрной кроет
Ночь широкий небосвод.

Звёзды тихие, как судна,
Якорь бросили во тьму,
В далеке сверкает мутно
Свет, упавший на волну.

О широкое русское поле,
Вновь прощаюсь я с песней твоей,
Отшумели колосья на воле,
И душе будто стало скучней.

Сердце рвётся с порывистым ветром
Улететь в необъятную даль,
Там, где пряло горячее лето
В свете прежде зелёную шаль.

Посерело бездонное небо
И рыдает стозвонным дождём,
Птичья песня давно уже спета,
Стало тихо в краю мне родном.

Но с тоской и печалью безмолвной
Гордость в осени желтой живёт,
Облака проплывают так грозно
Над сияньем степных позолот.

Облились края родные
Цветом радуги весной,
Блещут купола святые,
Угасая лишь с зарёй.

Покатились звон и радость
Песен русских по полям,
Прилетела жизни сладость
К жарким любящим сердцам.

И беспечный нежит ветер
Вечно зыбкую листву,
И питает белый месяц
Светом юную мечту.

Вновь очаг красы и воли
Разгорелся на глазах,
И другой не надо доли
В том и в этом мне мирах.

Запечалилась родина кротко,
Опустели родные края,
И гуляет в смятении только
Песня звонкая тут соловья.

Он поёт о раздолье широком,
О свободе беспечной своей,
Только стало ему одиноко
Без веселья и смеха людей.

Отчего стало смутно и грустно,
И клонятся берёзки в лесах,
Отчего и в душе моей пусто,
И трава вся в небесных слезах.

Принахмурилось серое небо,
Солнце скрылось в седых облаках,
Ветки зыбит дыхание ветра,
Тишина на весенних полях.

Но прислушайся, сердце родное,
Как радушно поёт соловей,
Всё он знает о нашей доле,
Ты ему одному только верь.

Алеет небо на закате,
Шумит лазурная река,
Любовью сердце вновь объято,
Что льётся светом свысока.

Как жаль потерянных мгновений,
Что тянут камнем душу вниз,
Поют в груди моря волнений
И чувств безбрежных нежный бриз.

Я буду помнить, дорогая,
Алмазный блеск твоих очей,
Пускай покоя не познаю
Ни в солнце дней, ни в тьме ночей.

Я счастлив жить слепой надеждой
И песни лить из ран моих,
За горизонтом тает прежний
Огонь мечтаний золотых.

Ой, берёзы, тополя!
Эх, горит душа моя,
Ой, ты, зарево златое,
Ноет сердце молодое.

Ах, багряная луна,
Эх, любовь ко мне пришла,
Заиграла и запела,
Песней в душу прилетела.

Вдохновенье принесла,
И покой мой забрала,
И костёр в груди живой
Запалила золотой.

Эй ты, ветер мой ночной,
Не туши огонь святой,
Не туши ты это чувство,
Без которого так грустно.

Уснул зелёный сад
Полночным сладким сном,
Украсил звёздный град
Весь небосвод кругом.

Не видно тёмных туч
На небе расписном,
Спускает хладный луч
Луна веретеном.

Звучит собачий лай
В сокрытом далеке,
О, сердце, ты не плач
С тоскою о себе.

Не плач и не мечтай
О небе расписном,
А ты, луна, играй
Своим веретеном.

Людмила Прокопова

СЧАСТЬЕ

Когда-то Дима, вернувшись после летнего отдыха на море, подарил мне камешек со сквозной дырочкой посередине: «Это куриный Бог, кто найдет такой камень, должен посмотреть через дырочку на солнце и загадать желание. Я дарю вам его на счастье».

Потом, много раз бывая у моря, я бродила по берегу и искала камень счастья. Что вы ищите, спрашивали меня. Я объясняла, и вереницы жаждущих счастья выковыривали камешки из песка, перебирали гальку, ходили по берегу, внимательно всматриваясь под ноги. Многие находили, а я – никогда.

В прошлое лето мы жили в комнате пансионата с Катериной, славной смешливой женщиной. Подружились, вместе ходили к морю. Я опять искала «Куриного Бога». Катерина тоже ковыряла песок, то и дело вскрикивая: «Нашла!», щурилась и отыскивала дырочкой солнце.

Наступил последний день отдыха. Видя мое огорчение, Катерина предлагала: «Возьми вот этот, у меня их дома целое детское ведерко.»

-Нет, Катя, я ведь должна сама найти свое счастье.

Катерина ушла подальше, оставив мне больше места для поиска. Но увы! Счастливых камешков для меня не было...

Ко мне, оставляя пятками вмятины на берегу, спешила Катерина, зажав в ладонях комок мокрого песка, который между пальцами норовил выскользнуть влажными струйками. Бросив передо мной оставшуюся горку, приказала: «Ищи! Я не смотрела, но здесь он должен быть!»

Ну, Катерина! Я засмеялась...

Набежавшая волна ровненько расправила песчаную кучку, оставив лежать несколько камешков. Я собрала их в ладошку, промыла, один из них, корявенький, но формой похожий на сердечко, действительно имел две сквозные дырочки. Я посмотрела через них на солнышко и, не задумываясь, попросила: «Пусть доброта найдет для себя местечко в каждом человеческом сердце».

Мое сердце билось ровно и благодарно. А волны накатывались на берег, шептали: «Счастье... Счастье...»

ПАПИНА-ХЛÉБИНА

Хутор, где мы с мамой прожили у бабушки всю войну, в одну длинную улицу вдоль речки-ручейка, свои соломенные крыши хат прятал в густых вишневых садах, сбегавших вниз, к самым вербам. Противоположный берег ручья полого поднимался вверх, до самого неба. Укатанная телегами дорога извивалась среди зелени трав, уходя к далекой железнодорожной станции.

Сначала на светлом краешке горизонта появилась темная точка. Через некоторое время я четко различила человека. Он шел по дороге со стороны станции, с чемоданом в руке. Я сразу поняла, кто это, хотя в свои пять лет никогда его не видела, только на фотокарточке, со звездочкой на шапке...

Бабушка говорила: «Їж папу, їж». И подставляла ладошку, чтобы крошки хлеба не упали на пол. Потом шепоткой собирала с ладони упавшие крошки, сжимала их вместе и, как чиличенку, вкладывала мне в рот: «Їж папу, їж».

Эти сто граммов черного хлеба, что мама получала по карточке учителя на сутки, скармливали мне, маленькой. Остальные все ели травяники из лободы.

И когда меня спрашивали: «Чия ж ти дівчинка?» Я говорила:

- Бабина.
- А ще чия?
- Мамина.

- А ще чия?

- Колькина.

И все допытывались: «А ще чия?». Я, наконец, говорила: «Папіна-хлебіна». Другого папы я не знала. Не выговаривая звук «р», уверяла: «Папа прийде, коли війна замириться».

Шел первый мирный год. «В клубе будет встреча с фронтовиками», - так сказали старшие девочки. И я, малявка, одна пошла в клуб «встречать папу». Пробиралась между коленями плотно стоящих людей, пытаюсь рассмотреть лица, искала звездочку на шапке. Там и нашла меня мама зареванную – папы я не встретила.

И вот теперь чувствовала маленьким ждущим сердечком, знала – это идет Он. Побежала в соседский сад, спряталась за кустом крыжовника, следя за приближающимся высоким мужчиной. Он перепрыгнул ручей, стал подниматься во двор по садовой тропинке. Ко мне подбежали подружки. – «Ти чого тут сидиш? Там твій батько прийшов!».

- Та-а-а... Зараз мама плакать буде. Я тут підожду.

Три дня дождь рисует узоры
На стеклах, асфальте и душах,
Оставьте ненужные споры,
Он тайну любви не нарушит...

Придешь ты, до нитки промокший,
Пропахший дождем и весною,
Родной, дорогой и хороший,
Я тайну дождя не раскрою.

Мы вместе с тобой прочитаем,
Что дождь нам предскажет, и мы
Дождинки считая, узнаем –
То тайнопись нашей судьбы.

И снова май, и снова маюсь,
То ненавидя, то любя...
Земли законам подчиняясь,
Желанной гостьей, улыбаясь,
Весна мне дарит вдруг тебя.
Пеленки развернули почки,
Каштаны тянут кулачки,
Раскрылись клейкие листочки –
У тополя, Тире и точки –
То сока под корой толчки.
Шум ветра, гул пчелы, затишье,
Травы зеленый изумруд,
Тюльпан с нарциссом в танце вышли,
Как балерины в пачках пышных –
Белеют вишни там и тут.
Звенит весенняя планета,
Не нарушая ритма дня.
Я радуюсь теплу, и свету,
И одуванчиков монетам,
Тому, что ты есть у меня.

Я говорю «спасибо»
Черешне, груше, сливе,
Цветам, что буйством радуги
Мне душу греют, радуют,
Склоняю низко голову,
Вдыхаю аромат –
Какая я счастливая,
Что есть цветы и сад!

СОДЕРЖАНИЕ

Юлия Андриенко	3
Фёдор Петрук	17
Людмила Балесная	30
Оксана Луценко	41
Юлий Войнарович	48
Дмитрий Уральский	64
Майя Кузнецова	80
Ольга Полуянова	99
Николай Авхутский	118
Людмила Прокопова	128

Літературно-художнє видання

Тайнопис дощу

Вірші та оповідання

Українською та російською мовами

Редактор Л. А. Прокопова

Технічний редактор О. О. Карнаушенко